

сти и интеллектуального развития — задача отнюдь не легкая, и решается она не всегда правильно. На вопрос, как поступить с таким учеником, можно ответить так: выставить ему плохую отметку за поведение и перевести в старший класс. Но первое я предпочел бы избежать. А второе опять-таки невозможно, из-за школьной рутины.

Можно также спросить, был ли заданный учительницей вопрос на самом деле глуп. Она ведь знает свой класс. Если хотя бы у двух учеников возникли в этой связи сомнения, такой вопрос был вполне уместен. Такова уж, может и не самая удачная, логика педагогического процесса. Можно, впрочем, предположить, что вопрос этот как бы предварял решение более сложной проблемы и что критицизм нашего способного ученика оказался бы вполне удовлетворен.

Но интереснее всего решить, как должна вести себя учительница, столкнувшись с таким неприятным казусом. У нее, бесспорно, есть возможность выставить ученика за дверь или же записать в дневнике замечание. Такое случается и в мире взрослых: символическая репрессия за строптивость и привычку жить своим умом. Кроме того, она может вступить с упрямцем в дискуссию.

Ведь если над вопросом поразмыслить глубже, то ответ на него не столь уж очевиден. Представим себе дом будущего, десятью этажами уходящий «в небо» и пятью

опускающийся «в землю». Тут уж явно бросается в глаза вся условность критериев «высшего» и «низшего». Если считать от цокольного этажа, то первый этаж подземной части дома будет располагаться выше, чем второй. Или, например, дом, взбирающийся по склону холма (я видел такие в Генуе), — для людей, входящих в него со стороны вершины, цокольным будет и десятый этаж. Или дом, в котором расположилось важное учреждение — на первом этаже находятся кабинеты начальства, выше разместились комнатухи референтов и конторских клерков. Так вот, для каждого сотрудника этого учреждения первый этаж будет «выше», чем четвертый, и физический спуск по лестнице будет сопровождаться сознанием подъема по ступеням служебной иерархии. Можно также поставить вопрос, настолько ли первый этаж выше цокольного, насколько третий выше второго. Лично я — человек, который ежедневно входит в редакцию с легкой одышкой, — глубоко убежден, что здесь существует принципиальное различие и что с каждым годом моей жизни оно растет.

Если бы сказать это тому ученику — с него наверняка слетела бы вся самоуверенность и апломб. Быть может, он даже с плачем побежал бы к маме и попросил ее перевести его в другую, менее интеллектуальную школу. Тогда бы нас, по крайней мере, никто не беспокоил. А это для школы вещь немаловажная.

Американская пародия

Перевод с английского АНДРЕЯ СЕРГЕЕВА

С. Л. ЭДСОН

ВЗДОРНЫЙ ВОРОН ПОЭТА ПО

Как-то ночью в час ужасный, час опасный,
Я, несчастный, постный, думал в праздный час мой
о Леноре, о Леноре,
деве сердца моего,

О чудесной, всем известной, честной (больше ничего).

Я дремал, и все молчало. Вдруг у двери застучало,
у окна задребезжало, разбудило, растолкало...
все во мне затрепетало, заплясало... замечтало,
что из гроба вдруг восстала

Дева сердца моего,

Что пришло свершенья срока, что красиво и упруго
спрыгнет прямо с водостока светлокая подруга.

Распахнул я настежь дверь — и что увидел? — черный вереск,
тошь... я сам себе не верил — черный вереск возле двери,
Дверь — и больше ничего.

Но из вымершего мира с видом Вильяма Шекспира
вышел ворон — был он жирен, но пробрал мороз его.
Да, ко мне ворвался ворон — был он черен и проворен,
приглядел, как наглый вор, он печь жилища моего,
Печь — и больше ничего.

Помню миг тот ненавистный — был тогда декабрь мглистый,
и в печи моей со свистом догорал сосняк смолистый,
и зола из золотистой становилась землистой,
И гулял душистый шорох в поддулявших шумных шторах.
Ворон — будто так и надо — сел на белый бюст Паллады,
Ворон — черный, вздорный, верный —
сел у входа моего.

Но была ли то бравада, иль утехи и услады пожелал он
от Паллады —
я не понял ничего.

Пусть душа моя, страдая, размышляя, угадает,
Не Ленора ли из рая эту птицу посылает,
Что над дверью восседает, как неожиданная беда,
Или это душу мучит, и в душе мышей летучих
насаждает сонный Сноуден, автор оды «Тор и Один»?

Пусть душе, уставшей за день, дар сивиллы будет даден,
чтоб о той, которой Лейден, или Лондон, или Аден,
или просто Баден-Баден были родиной, узнать мне,
суждено ль ее в объятия вновь принять, и если да...
Каркнул ворон: «Никогда!»

О пророк, исчадь ада, оды, гада, злого года,
Мне тебя совсем не надо! Здесь уселся отчего ты?
Убирайся навсегда!

Но сидит, сидит упорно ворон черный, злой и вздорный,
Раз сказавший «никогда».

Он для ладности баллады сел на бледный бюст Паллады,
на солидный бюст Паллады сел, скрывая торжество,
И душа моя в смятенье поплыла и пала тенью,
Наподобье темных пугал, пала на пол, пала в угол,
на пол дома моего.

ТЕОДОР РЁТКЕ

ЧЕМОДАННАЯ ПЕСНЯ

То был не Эрнест, то был не Мак,
С которыми я обновлял кабак, —
Они не хвалились и слез не лили,
А плюнув на все, вперед выходили,
И пропустивши стакан-другой,
Они садились, как мы с тобой,
— И пропивали деньги.

Не Колони-клуб, не шикарный Сторк,
Не город Нью-Йорк из штата Нью-Йорк.
Но мы с подругой узнали что-то
В притонах Толедо и Виандота
— О том, как сорить деньгами.

То было: — Жду тебя у плетня,
То было: — Строгий отец у меня.
(Потом я узнал, что отец — брехня.)

— Но как она тратила деньги!

Тогда меня сводили с ума
В Сисеро с крупной игрой дома,
А в Сент-Луисе и Мононгахеле
При виде вывесок руки зудели
— Скорей растратить деньги!

Там Синко Сикстет играл, как машина,
И каждый мальчишка сходил за мужчину,
И мы веселились над ванной из джина
— И расставались с деньгами.

Это Мутный Матуна и Псих Моран,
Это Спорим на виски и Ставь стакан,
Это Пробуй, Смотри и Держи карман:
— Умный там не играл на деньги.

То разве кража, то разве грех,
Что Микки разделан под орех?
Кого только мог — и разделявал всех
— С остатками дедовских денег.

То был Мертвый Угол и Стойло Келли,
Где Стой на ногах, пока ноги целы,
Но многие там под столом храпели
— Не в силах пропить все деньги.

Не всякий спокойно бы вспомнил о том,
Как Чипшева Кет вильнула хвостом
И с бумажником скрылась на грузовом,
— Учужав, что я без денег.

Юристы, полиция — куплены все вы,
Гоните богатую старую деву,
Такую, что будет направо-налево
— Изводить на меня свои деньги.

ДОНАЛЬД ФИНКЕЛ

ПЕСНЯ ОБ ОХОТЕ

Лиса выбегает, хромая, хромая,
Хромая. Язык на плече,
Приподняты уши, Лиса,
Как смерть на конце веревки, когда
Она подбежала к пустой
Колоде. Вбежала в нее
И выбежала с другой стороны. О,
Она хитрая.

Гончие катятся кубарем, кубарем,
Кубарем. Вобраны головы,
Кровью налиты глаза.
Шум их дыхания громче смерти, когда
Они подбежали к пустой
Колоде. Застыли на миг
И дальше по запаху мчатся. О,
Они злые.

Охотник несется галопом, галопом,
Галопом. Ковь его в мыле
С копыт до гривы,
Куртка охотника крови багровой, когда
Он поравнялся с пустой
Колодой. Препятствие взяв,
Он дальше помчался. О,
Он прекрасен.

Колода же просто лежала, лежала,
Лежала одна на поляне.
Ни лиса, ни собаки, ни всадник
Не видели черных глаз ее. (Это
Входы в пустую колоду.) Она
Видела смерть, что прошла сквозь нее,
Мимо нее и над ней. О,
Она умная.

ИОАННА КЕЛЛЕР

РАССКАЗЫ

Перевод с польского КСЕНИИ СТАРОСЕЛЬСКОЙ

Большая стирка

О смысле жизни я начала задумываться благодаря итальянской стиральной машине. Итальянская стиральная машина — изобретение почти совершенное: бросаешь грязное белье, сыплешь порошок, нажимаешь кнопку, и некоторое время она делает свое дело, а ты можешь заниматься чем угодно. Тогда почему только «почти» совершенное? А потому, что итальянские конструкторы не предусмотрели, что после наших порошков отполаскивать белье нужно дольше, и к нашему способу крахмаления приспособиться не сумели. Что же из этого следует? А то, что я должна дважды прерывать стиральный цикл: первый раз, чтобы поставить рычажок на повторное полоскание, а второй — чтобы влить «заваренную» картофельную муку. Для того же, чтобы прервать цикл, нужно уловить соответствующий момент — не слишком рано и не слишком поздно, а чтоб этот момент уловить, надо несколько минут следить за стиральной машиной. Как раз те самые минуты, что предназначены для размышлений. Сажу на краешке ванны, тихо, тепло, немножко неудобно; ребенок спит, муж в командировке...

Я думаю о том, как ужасно неудачно сложилось, что я — женщина. Кажется,

мусульмане заканчивают свою ежевечернюю молитву словами: «Благодарю тебя, аллах, что ты не создал меня женщиной». Значит...

Зазвонил телефон. Прерываю размышления, бегу в комнату: «Алло!» — тишина. Странно! Сегодня это уже второй раз... Когда часа два назад я открывала входную дверь, придерживая подбородком и коленкой сетки с продуктами и покрикивая на Михала, который скакал по лестничной площадке и вопил: «Зайчик белый, куда бегал?..» (новая считалка, вынесенная из детского сада), телефон тоже зазвонил, я бросилась к нему, но на мое «алло» он ответил молчанием.

Может, это кто-нибудь из автомата?

Возвращаюсь к стиральной машине и к прерванным размышлениям.

...Значит, женщиной быть плохо, а особенно плохо быть женщиной с высоким образованием, потому как тут тебе и работа, и дети, и домашнее хозяйство, иными словами, непрерывная борьба с упорно сопротивляющейся материей... А они, мужчины... Они? Мысль растекается в обобщениях, но я пытаюсь сосредоточиться на истинной причине

АНТИРУБРИКА